

Осенью 1933 г. в Минск вслед за своим профессором уехали М. Крошнер, А. Попов, П. Подковыров и там продолжили свое музыкальное образование. К. Машихин учился в Ленинграде. В годы Великой Отечественной войны он служил в рядах народного ополчения и пропал без вести.

¹ Архив Свердловского областного музыкального училища им. П. И. Чайковского. Д. 58-з.

² Письмо В. А. Золотарева Л. В. Николаеву от 12 июня 1933 г. // Музыка, музыкальная культура, музыканты Урала / сост. Н. А. Вольпер ; публ. В. И. Рензина. Екатеринбург, 1996. Вып. 1. С. 54.

³ Нисневич С. Г. В. А. Золотарев. М., 1964. С. 70–71.

⁴ Правдин Н. «Декабристы» // Уральский рабочий. 1930. 16 апр.

⁵ Гибалин Б. В. А. Золотарев : рукопись / Б-ка Свердловского областного музыкального училища им. П. И. Чайковского.

Л. В. СОКОЛЬСКАЯ

К вопросу об освоении женщинами уральских библиотек

История освоения женщинами российских библиотек не написана даже в тенденциях, почти уверенно можно предполагать, что нет таких исследований и по отдельным регионам. Вероятно, ее изучение будет чрезвычайно интересным не только для собственно истории библиотечного дела, но и в целом для познания эволюции российского общества.

В то же время подобное исследование явно будет затруднено. Фактически до XX в. женщины относились к числу социальных групп, получивших в исторической науке название «молчаливое большинство». Как правило, в документах как общественного, так и личного характера женщинам почти не уделялось внимания. Надеюсь, что когда-то будет написана и «большая» история российских читательниц библиотек, в данном случае всего лишь обобщим отдельные материалы о читательницах уральских библиотек, которые в своей даже небольшой совокупности предстают достаточно репрезентативно. Напомним, что Урал как сложившаяся историко-культурная область не совпадает географическими рамками с нынешней территорией Уральского федерального округа (УрФО): в историческом плане она включает и территории нынешнего Башкортостана, Оренбургской, Пермской областей.

В результате прогрессивного развития женского образования и повышения социального статуса женщин, со второй половины XIX в. во многих регионах России фиксируются случаи присутствия женщин в библиотеках различных видов. Среди них, прежде всего, «просматриваются» учебные библиотеки. Например, в 1853 г. в Екатеринбурге действовало женское училище 2-го разряда с библиотекой; на базе частной библиотеки А. И. Иконникова в Перми в 1859 г. работали две частных воскресных школы — мужская и женская; в библиотеке созданного в Челябинске в 1861 г. женского училища 2-го разряда «при выдаче книг учитывался возраст учащихся, их интересы и умственное развитие. Ученицам старших классов рекомендовались книги исторического и географического содержания»; с 1864 г. в Перми действовала женская гимназия и при ней библиотека¹.

В этот же период женщин в уральские библиотеки приводили и мотивы просветительского характера. Так, в 1860—1870-х гг. в Нижнетагильской заводской библиотеке Демидовых «женская часть читательской аудитории ... предпочитала журналам мод и романам “толстые литературные журналы”, которые в то время владели умами всех российских читателей». Зарегистрированы на Урале и случаи присутствия женщин в сельских библиотеках. В открытой в 1859 г. бесплатной библиотеке-читальне в селе Иванищевском Шадринского уезда Пермской губернии среди 74 читателей было 10 женщин².

В целом все же следует констатировать, что светские библиотеки были в XIX в. для русской женщины экзотическим учреждением, тогда как их присутствие в церковных и церковно-учебных библиотеках имеет более давнюю историю. В данном случае укажем, что в открывшемся в конце XIX в. в Екатеринбурге епархиальном женском училище была библиотека, в которой «осуществлялось руководство чтением: преподаватель имел право спросить о прочитанном у любой из воспитанниц и порекомендовать, что следует прочитать. В библиотеке имелся систематический каталог. К 1892 г. в ней числилось 311 экземпляров книг. Кроме того, выписывались периодические издания: «Церковный вестник с христианским чтением», «Душеполезное чтение», «Детский отдых», «Родник» и др.». Помимо этого, учащиеся «с разрешения настоятельницы монастыря» пользовались и монастырской библиотекой³.

К концу столетия женщин среди читателей светских библиотек стало заметно больше, хотя в целом еще не так много: по подсчетам Н. А. Рубакина, их тогда было, по крайней мере, в 3-4 раза меньше, чем читателей

мужчин⁴. По заключению М. Ю. Матвеева, современного историка библиотечного дела, в эти годы процент женщин-читателей в российских земских библиотеках «был очень невелик — он редко превышал 25 %»⁵. Относительно Екатеринбургского уезда на период конца XIX — начала XX веков исследователи говорят, что мужчин среди читателей библиотек было в 6 раз больше, чем женщин⁶. В это же время в земских инородческих библиотеках Уфимской губернии женщины составляли 13 % от читателей, а в земских национальных — 24 %⁷.

В этой ситуации значимым представляется сам факт учет пола читателей в статистике библиотек этого времени. В частности, он велся в первой общественной бесплатной библиотеке Челябинска — ныне ЧОУНБ, которая открылась 28 июля 1898 г. Сохранились сведения о числе посетителей читальни за 1900 г. с 21 сентября по декабрь. Всего в 1901 г. библиотеку-читальню посетило 5 325 человек, из них 4 533 мужчины и 792 женщины, т. е. женщин около 15 %. И хотя эта цифра в среднем соответствует общей ситуации и в других регионах и библиотеках страны, все же она находится в части более низких показателей.

Таким образом, не исключено, что факт провинции как весьма социально значимый, при этом провинции — значительно удаленной от центра, создавал ситуацию более скромного, чем в целом по стране, присутствия женщин в уральских библиотеках в начале XX в. При этом низкая женская грамотность сыграла в этом вопросе первостепенную роль (например, в 1897 г. среди женщин Башкирии грамотных было только 11,7 %⁸).

Одновременно обратим внимание на то, что женщины Урала в эти годы в целом проявили выраженный интерес к библиотечному делу. Женщины (Е. М. Кремлева, А. А. Догадова, С. А. Дьяконова и др.) были среди учредителей и первых «библиотекарш» Екатеринбургской публичной библиотеки (1899); участвовали в создании ряда других библиотек региона: открытой в 1900 г. Попечительством о народной трезвости на Кусинском заводе библиотеке дочь одного из служащих завода А. Ф. Пастухова передала 172 экз. книг на сумму 200 рублей, которая составила основу фонда⁹.

С начала XX в. продолжается процесс активизации женщин как пользователей библиотек. На региональном материале отметим факт их присутствия в сельских библиотеках. Например, к 1913 г. в библиотеке села Усть-Сыны (ныне в Пермской обл.) насчитывалось 70 читателей: «Причем, большую часть из них составляли мужчины, и только 8 человек — женщины.... В среднем

каждый мужчина прочитывал за год 13 книг, а женщина — вполовину меньше»¹⁰.

На Урале в историческую картину библиотечного обслуживания женщин особый колорит приносит мусульманское население. По законам шариата татарским и башкирским женщинам строго запрещалось показываться в обществе мужчин. В работе мусульманских земских библиотек (в Уфимской губернии в 1912 г. были открыты первые 6 земских инородческих библиотек, в 1914 г. работали уже 24 татаро-башкирских библиотеки¹¹ почти не было случая, чтобы женщины приходили в библиотеку получить книгу или послушать лекции кроме дней, специально отведенных для них. В эти дни заведующий библиотекой (всегда — мужчина) не имел права работать в библиотеке. Вместо него должна была выдавать книги посетительницам его жена, а если он не был женат — приглашалась посторонняя женщина. Но даже такое ограниченное обслуживание женщин в библиотеках вызывало недовольство со стороны духовенства.

Массовый приход женщин в библиотеки Урала, как и страны, пришелся на послереволюционное время, на 1920-е гг. Одной из центральных акций Наркомпроса стала программа перевоспитания женщин через книгу, «борьбы за женщину-читателя». Ее решение осложняла сохраняющаяся малограмотность женщин. Так, перепись населения 1920 г. показала, что уровень грамотности уральского населения (29,3%) был ниже среднего показателя по РСФСР (31,9%), при этом еще более низкой была грамотность среди женщин¹². Но даже относительно грамотные женщины по причинам большой загруженности и на производстве, и дома видели в книге только средство отдыха, не желая откликаться на агитацию библиотечарей. Л. Н. Сейфуллина, тогда заведующей Челябинской библиотечной секцией, писала, что в городских библиотеках не было недостатка в читателях, но их интересы сводились «к беллетристике низшего сорта»¹³.

В этом отношении ситуация в уральских библиотеках вполне соответствовала общероссийской, где, с одной стороны, далеко не все женщины были настроены на чтение в библиотеках политической, производственной и «новой» художественной литературы, с другой — ставилась задача «удержать» их в составе читателей посредством заинтересованности хотя бы в темах действительно значимых как для женщин, так и для общества. Так, в перечне основных задач, «на выполнение которых была направлена деятельность уральских библиотек и изб-читален» того времени, значится «культурно-бытовое воспитание масс: ликвидация неграмотности и малограмотности, развитие самообразования, санитарная и антирелигиоз

ная пропаганда...»¹⁴. Из опыта библиотек этого времени известно, что решались подобные задачи, прежде всего, в женской аудитории.

Библиотеки стремились разными формами привлечь и удержать женщин. Например, к Международному женскому дню 1921 г. в Челябинском округе проводились громкие чтения книг о женщинах, их правах, доклады о международном женском движении¹⁵, в библиотеке им. Л. Н. Толстого в Перми с 1924 г. каждую пятницу проходили «женские посиделки», где читались лекции, проводились беседы, показывались световые картинки, организовывались экскурсии в музеи, на производство, в кино, театр. Впоследствии «Женские посиделки» стали широко использоваться в практике работы изб-читален, приобрели новые формы. Например, «Вечера красной пряжи» явились их разновидностью¹⁶.

По-прежнему библиотеки Урала вынуждены были считаться с национальными особенностями женской аудитории. В частности, большая работа велась по специализированному обслуживанию «женщин татаро-башкирских национальностей» в Челябинске, где «татаро-башкирского населения в 20-е гг. имелось до 4 000 человек. Политико-просветительную работу среди них, кроме библиотеки, почти никто не вел»¹⁷. В результате — с конца 1925 г. татаро-башкирская центральная библиотека начала работу среди «татаро-башкирских женщин»: «Организует женуголок, обставляет его плакатами, пытается провести собрание женщин. Но первая попытка окончилась неудачно — мало удалось вовлечь женщин. В 1927 г. в связи с подготовкой к 8 марта библиотека снова взялась за это дело. Организуется бюро из 3-х человек — представительница библиотечного совета, делегатка женсовета, читательница. Сначала завербовали членов уголка среди читательниц, широко объявляется об уголке. В уголок записываются 35 женщин, читательниц библиотеки. Дальше бюро, связавшись с женотделом и райкомом ВКП(б), разрабатывает план и разворачивает работу. За время с 5 февраля 1927 по 20 февраля 1928 гг. проведено 17 заседаний бюро и 7 общих собраний, на которых присутствовало 513 татаро-башкирских женщин»¹⁸.

Развивая работу с женщинами, библиотека пошла по пути сочетания «приятного с необходимым»: 8 марта 1927 г. при библиотеке организовался кружок кройки и шитья с политзанятиями. «В кружок кройки и шитья женщины шли охотно. В нем проводились громкие читки и политбеседы. Влияние было на работу женщин и их домашний быт огромно»¹⁹. Нельзя не отметить, как идеологически «тонко» сработала в данном случае библиотека. Ей настолько удалось обрести политическое доверие женщин, что

«во время организации читательской демонстрации ... женщины вокруг библиотеки собирались активнее, чем мужчины. На конференциях читателей в городских библиотеках татаро-башкирские женщины активно выступали в прениях. Раз в неделю женщины собирались в библиотеке, где проводились громкие читки и беседы»²⁰.

В целом может создаться впечатление, что советские, в их числе уральские, библиотеки вполне удачно решали задачу привлечения женщин. Так, с ноября 1928 по апрель 1929 гг. Курганскую городскую центральную библиотеку посетило 25 705 мужчин и 24 975 женщин²¹. Однако общероссийская статистика этого времени не столь оптимистична, а потому весьма желательна аргументированное региональное исследование этого вопроса. Ясно, что путь российской читательницы в библиотеку был непростым, и он еще ждет своих исследователей.

¹ Артамонова С. С. История библиотечного дела на Урале (XVI—XIX века): учеб. пособие. Челябинск, 2005. С. 121, 103, 123, 124.

² Там же. С. 96.

³ Там же. С. 139.

⁴ Рубакин Н. А. Избранное. В 2 т. М., 1975. Т. I. С. 42.

⁵ Матвеев М. Ю. Деятельность земских народных библиотек // Библиотековедение. 1997. № 2. С. 80.

⁶ Демина Н. М. Круг чтений читателей библиотек Екатеринбургского уезда в XIX веке // Творческий поиск. 2000: провинц. библ. чтения «Читатель в библиотеке перемен» / Свердлов. обл. б-ка им. В. Г. Белинского. Екатеринбург, 2000. С. 56.

⁷ Фаршхатов М. Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период 60—90-е годы XIX века. М., 1994. С. 142.

⁸ Там же.

⁹ Отчет о деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости за 1901 год. Уфа, 1902. С. 60

¹⁰ Гладких Л. Восстановить утраченную связь времен // Библиотека. 1998. № 4. С. 35.

¹¹ Сверчков И. Челябинская татаро башкирская центральная библиотека Красный библиотекарь. 1927. № 6. С. 249.

¹² Артамонова С. С. Библиотечное дело на Урале в 1917—1920 годах: учеб. пособие по курсу «Всемирная история библиотечного дела» / ЧГАКИ. Челябинск, 1993. С. 77.

¹³ Там же. С. 82

¹⁴ Там же

¹⁵ Артамонова С. С. Библиотечное дело на Урале в 1921—1925 годах : учеб. пособие по курсу «Всемирная история библиотечного дела» / ЧГАКИ. Челябинск, 1993. С. 49.

¹⁶ Там же. С. 103—104.

¹⁷ Сверчков И. Указ. соч. С. 66.

¹⁸ Субханкулов С. К. Библиотечный кружок открыл татаро-башкирке двери в общественность // Челябинский рабочий. 1928. 8 марта. С. 9.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Агафонов Ю. Юговка : время люди книги. Шадринск, 2002. С. 30.

Е. С. КАЗАНЦЕВА

История библиотек Миасского завода

Активное освоение природных ресурсов и развитие промышленности на Южном Урале в XVIII в. способствовали возникновению населенных пунктов, обязанных своим появлением строительству заводов. К их числу относятся Златоустовский, Кусинский, Саткинский, Юрюзанский, Катав-Ивановский, Усть-Катавский, Симский, Миньярский, Верхне- и Нижне-Уфалейский, Нязепетровский, Кыштымский, и другие заводы, специализирующихся на металлургическом производстве.

Город Миасс также основан как завод на территории Оренбургской губернии (в настоящее время входит в состав Челябинской области). Первое поселение возникло в 1773 г. при строительстве купцом И. Лугининым медеплавильного завода. В Государственном архиве Оренбургской губернии хранятся документы конца XIX в., содержащие следующую характеристику этого населенного пункта: «Миасский завод основан на землях башкир Каратабынской и Баратабынской волостей, закортомленных в бессрочное пользование тульским купцом, впоследствии дворянином, Иваном Мосоловым, по акту, совершенному в Оренбургской канцелярии 20 ноября 1751 г., для добычи медных руд. В 1759 г. Мосолов продал свои земли и заводы и передал право на закортом — тульскому купцу Иллириону Ив. Лугинину.

Название «завод» сохранилось за Миассом в силу истории, потому что первоначально он был медеплавильным заводом. Ныне правильнее называть селением. По числу населения и построек Миасское селение